

СЛОВО И ФОРМЫ СЛОВА: ДЕРИВАЦИОННЫЕ ТИПЫ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ И ФУНКЦИИ

А. Л. Шарандин^{1, @, *}

¹ Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина
@sharandin@list.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания»

Аннотация: Проблема соотношения понятий «слово» и «форма слова» является одной из центральных проблем русской грамматики (морфологии) и связана с приоритетными направлениями современного языкознания в рамках общего антропоцентрического подхода к описанию языка. Рассмотрены деривационные процессы, связанные с понятием мотивации, которое определяет выделение разных типов деривации, объединенных когнитивно-коммуникативным подходом. Определена лингвистическая значимость понятия форм слова в качестве концептуальной структуры, «обслуживающей» концептуальное содержание слова-лексемы. Выделены основные функции языковых форм и их значимость для описания языка как многоуровневой системы. Представленное расширенное понимание формы слова позволяет решить ряд проблем методологического (вопрос об относительности содержания и формы в языке), теоретического (вопрос определения слова и разных типов форм слова) и практического характера (вопрос о включении грамматического материала в лексикографическую практику).

Ключевые слова: слово, форма слова, деривация, мотивация, интерпретация, функции слова и форм слова.

Для цитирования: Шарандин А. Л. Слово и формы слова: деривационные типы, лингвистическая значимость и функции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 207 – 213.

Понятие формы слова является одним из центральных в русистике, поскольку русский язык среди флективных языков мира обладает наиболее полной и разнообразной системой языковых форм. Естественно, содержание этого понятия осознается, прежде всего, в реализации языком коммуникативной функции, позволяющей осуществить его основное предназначение – быть средством общения. Но в этом случае мы имеем дело не столько с языком, сколько с его важнейшей ипостасью – речью, которая актуализирует «языковленную» семиотическим (знаковым) способом внеязыковую действительность в конкретных речевых формах в рамках коммуникативного акта. Поэтому и принято разграничивать язык и речь, прежде всего, в плане их назначения: язык оказывается *средством* познания и хранения познанной информации в словаре, тогда как речь – это *процесс*, позволяющий использовать орудийную функцию языка в речемыслительной деятельности человека для реализации своих мотивационных целей. В связи с этим примечательно высказывание Н. Д. Голева о том, что «коммуникативную основу имеют все основные принципы мотивации» [3, с. 5]. А поскольку мотивационные цели разнообразны, то и коммуникативная их реализация оказывается неоднородной, но при этом, как справедливо отмечает Н. Д. Голев, несмотря на очевидную неоднородность коммуникативной функции в мотивационной сфере, она в целом «может по праву претендовать на роль функции-доминанты» [3, с. 4].

В этом плане рассмотрим деривационные процессы, в основе которых понятие мотивации определяет сущность их выделения в качестве разных типов, но объединенных когнитивно-коммуникативным подходом. Включение когниции в союз с коммуникацией

вполне закономерно, учитывая взаимосвязь и взаимодействие языка (речи) и мышления (сознания), но имея при этом в виду, что слово как языковая единица предполагает связь с абстрагирующей функцией сознания, а слово как речевая (коммуникативная) единица реализует конкретизирующую функцию сознания [11].

Прежде всего отметим, что понятие формы слова осознается в соотношении с понятием слова-лексемы, закономерно связанным с решением вопроса о границах слова как языковой единицы, который, в свою очередь, оказывается обусловленным от решения вопроса о разграничении разных видов деривации между собой. Все же эти вопросы неоднозначно представлены в теории и практике русского языка. Поэтому целесообразно выделить ключевые моменты в их рассмотрении.

Итак, *что мы понимаем под словом?* Ответ на него будет различным, поскольку термин «слово» имеет разное понятийное содержание в зависимости от того, объект (предмет) какой науки (дисциплины) он представляет. Наиболее часто его употребление связывали с языком и речью, где слово рассматривалось либо как языковое понятие – в значении совокупность словоформ, либо как речевое – в значении словоформы [9, с. 9; 8]. На наш взгляд, наряду с пониманием слова как языковой или как речевой единицы, следует иметь в виду представленность слова в обыденном сознании носителей языка, а также определение слова как семиотической единицы, т. е. безотносительно к языку и речи.

Отметим, прежде всего, связь слова со знаниями, отражающими определенный тип сознания. В этом плане обращает на себя внимание, что наличие слова оказывается тем «шифром», который определяет специфику коммуникативной системы человека в отли-

чие от коммуникативной системы животных. Это связано с тем, что человек способен закодировать информацию о предметах и явлениях окружающего мира в слова, которые оказываются репрезентантами концептов как единиц сознания. В результате информация о предметах и явлениях действительности становится коммуникативно значимой. В этом случае слово выступает как орудие познания и средство общения. Но, с другой стороны, слово оказывается объектом познания, в котором концентрируются определенные знания о мире и языке как специфическом объекте действительности.

Знание – это та информация, которая коммуникативно значима. Вот почему знания присущи и животным. В данном случае знания обусловлены биологической жизнедеятельностью животных, имеющей своей целью передачу животным информации, связанной с опытом существования той или иной популяции, с их общением. Средством же передачи этой информации у животных оказываются нерасчлененные (нечленимые) коммуникативные сигналы.

Но слово как единица знания не присуща животным, поскольку животные не располагают механизмом сжатия информации о действительности в рамках второй сигнальной системы, которая у них отсутствует. Знания же человека сформировались на основе дискурсивной практики и текстовой информации о том или ином предмете, явлении или событии. В итоге слово предстает как своего рода текст, в котором познаваемый объект действительности описывается с позиций его существенных признаков, позволяющих отличать данный предмет от другого предмета, т. е. осмысливается в предметно-понятийном аспекте и включается в состав высказывания (коммуникативного сигнала) на правах его члена, делая тем самым высказывание расчлененным (членимым). В этом принципиальное отличие коммуникативной системы человека от коммуникативной системы животных. Данные системы, будучи связанными с отражением и передачей коммуникативно значимой информации, т. е. со знаниями, различаются основным способом накопления и передачи этих знаний. У животных мы имеем ситуативные знания, передаваемые нерасчлененными коммуникативными сигналами, а у человека основным способом передачи информации оказываются расчлененные (членимые) коммуникативные сигналы (предложения-высказывания), важнейшим элементом которых является слово, хотя есть и нерасчлененные (нечленимые) высказывания, представленные, например, междометиями типа «Ах!», которые отражают знания-реакции в тех или иных ситуациях. Но по основному способу передачи информации человек получает событийные знания, отражающие предметно-признаковое познание действительности в форме, прежде всего, понятий, являющихся концептуальным содержанием слова. Поэтому рассмотрение проблемы осмысления сущности слова связано с основными видами мыслительной деятельности человека – концептуализацией и категоризацией. Однако результаты этих процессов нашли отражение не только в языке и речи, но и семиотике.

С точки зрения семиотики слово определяется как вербальный знак и оказывается своего рода анало-

гом того объекта действительности, обозначением которого оно является. Наиболее наглядно семиотический характер слова представлен в тематической группе. В связи с этим примечательна позиция В. В. Виноградова, который писал: «Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически» [2, с. 16]. Таким образом, сознание человека направлено на фонетическое (звуковое) оформление названий, обозначений. И, следовательно, в слове как семиотической единице отсутствует понятие формы слова как члена парадигматического ряда. С этой точки зрения лексические значения, отражающие предметы и явления окружающего мира, оказываются его репрезентантами, имеющими аналоговую, логическую форму, содержание которой связано с отражением представлений и понятий об этих предметах и явлениях действительности. В этом случае лексические значения, будучи аналогами естественных объектов, находятся как бы за пределами языка, за пределами слова как языковой единицы.

Семиотический подход в его связи с когнитивным подходом позволяет выделить у слова собственно знаковую (аналоговую) функцию, которую можно назвать когнитивно-семиотической. Наиболее наглядно семиотический характер слова представлен в тематической группе. Исследователи отмечают экстралингвистическую направленность ее содержания и считают, что слова в ней оказываются своего рода «слепками», «фотографиями» тех или иных фрагментов действительности. Например, лексический состав тематической группы «Части человеческого тела» обусловлен физиологической организацией человека, строением его тела. И собственно языковых закономерностей, позволяющих описать связи между словами в тематической группе, по существу, нет [4].

Однако пребывание слов как семиотических единиц только в состоянии номинации (называния) объектов действительности не является конечной целью коммуникативного акта и речемыслительной деятельности человека. В этом случае слово, в принципе, оказывается коммуникативно не востребованным; оно, скорее всего, обслуживает ментальный лексикон индивида или индивидов. Но без наличия слов в их номинативной (семиотической, знаковой) функции невозможен дальнейший процесс включения номинативных знаков в коммуникацию как процесс передачи информации (значений), поскольку знание определенной (основополагающей) части этой информации, представленной словами, оказывается основой для социально-культурного взаимодействия адресата и адресанта и их взаимопонимания. Как отмечает Н. Д. Голев, «выражаемое содержание – это коммуникативно ориентированное содержание» [3, с. 5].

Более того, именно усвоение знаковой информации в слове (концептуальное содержание) позволяет в дальнейшем использовать слова в той или иной

языковой (речевой) форме в зависимости от коммуникативных целей. Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разного типами высказываний), позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные речевые возможности, *изменить статус знака вообще (семиотический статус) на статус языкового, а точнее – речевого знака как единицы общения*. И это изменение статуса слова сопровождается *соотносительностью языковой формы и значения*, т. е. слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы, где слово предстает в виде определенного морфологосинтаксического образования. Понятия материи и формы в этом случае не оказываются, как при семиотическом оформлении, полностью тождественными, поскольку понятие формы включает не только звуковое, но и собственно языковое оформление – грамматическое. Это позволяет выделить собственно языковую (речемыслительную) – *когнитивно-коммуникативную* функцию, которая реализуется в виде того или иного дискурсивного образования, т. е. в виде слова как грамматически (морфологически и/или синтаксически) оформленного языкового знака [12]. В соответствии с этим можно выделить *коммуникативно-актуализированную концептуализацию*, которая оказывается противопоставленной собственно знаковой (семиотической) концептуализации. Однако и это противопоставление не обуславливает разграничения понятий «слово» и «формы слова», поскольку в этом случае понятия слова и формы слова оказываются совпадающими по своей структуре, обеспечивая соотносительность лексического значения и грамматических значений, обслуживающих его. В результате возникает отрицание самого понятия «словоизменение». Например, как различные слова рассматривались Д. Н. Ушаковым слова «рука», «руку», «руки», «пишу», «пишешь», «писать», ибо «различные формальные принадлежности внесли в значение основы различные видоизменения» [8, с. 83].

Немаловажно и то, что в случае только речевого оформления слова его словарное описание оказалось бы неэкономным, и словарь предстал бы в виде словоформ с сопоставленным каждой словоформе значением. В этом случае мы имели бы наиболее простую лингвистическую модель, которая предполагала бы слишком напряженное действие человеческой памяти и исключала бы более объемное собственно языковое моделирование. По мнению Т. В. Булыгиной, в принципе это возможно и выполнимо, но такое решение было неудовлетворительным [1, с. 55]. Поэтому в словаре слово предстает как **языковая единица**. В этом случае слово оказывается *парадигматически оформленной* единицей. В состав парадигмы слова входят, прежде всего, грамматические формы тех категорий, которые оформляют, структурируют частеречное концептуальное содержание слова.

Итак, с точки зрения *собственно языка* как знаковой коммуникативной системы, слово – это языковой знак, концептуальное содержание которого (т. е. лексическое значение) структурировано, прежде всего, парадигмой грамматических форм. Это и позволя-

ет нам, с одной стороны, противопоставлять лексическое значение и грамматическое значения, а с другой стороны, говорить о слове как о единстве лексического и грамматического значений. В целом же слово оказывается *единством* сознания (когниции), семиотики (номинации, обозначения), языка (средства общения) и коммуникации (речевой деятельности) [12].

С точки зрения *сознания (когниции)*: слово – лексический репрезентант концепта. С точки зрения *семиотики*: слово – это номинативный знак предметов и явлений действительности. С точки зрения *языка*: слово – это знак, лексическое содержание которого грамматически оформлено, что позволяет ему предстать в виде парадигматической единицы в словаре. С точки зрения *коммуникации*: слово – это синтагматическая единица, функционирующая в линейной речевой цепи высказывания в той или иной грамматической форме.

В онтологическом плане эти аспектные определения слова предстают в своем единстве, с позиций которого слово можно определить следующим образом. **Слово** как *языковой* знак – это лексический репрезентант концепта, чаще всего понятийного типа, который имеет звуковую оболочку, является синтагматическим членом высказывания и предстает в той или иной морфологической форме, совокупность которых образует его языковую репрезентативную парадигму.

Каждая из этих составляющих имеет свои *основные единицы*: сознание представлено тем или иным типом концепта, чаще всего в виде понятия, сформированным посредством определенных мыслительных операций; семиотика представлена материализованным звуковым способом знаком, язык – словом-лексемой, а коммуникация – предложением-высказыванием, в составе которого слово предстает, прежде всего, в виде словоформы (слова-формы). В соответствии с этим сознание можно определить как деятельность мозга по формированию концептов; семиотика и язык оказываются средством номинации (называния, обозначения) этих концептов посредством слов, а коммуникация может рассматриваться как среда, в которой функционируют концепты, обозначенные словами в составе предложений-высказываний. В них слово, сохраняя свою номинативную ценность и самостоятельность, претерпевает различного рода видоизменения, связанные с его взаимодействием с другими словами в составе высказывания, что находит отражение в их морфологической структуре, представленной той или иной формой слова.

Языковое сознание в этом случае позволяет систематизировать результаты функционирования слова в плане концептуализирующей и категоризирующей функций языка. Это дает возможность моделирования речемыслительной деятельности человека с целью наиболее экономного представления процесса номинации и слово-формопорождения (деривации), а также тех языковых знаний, которые обуславливают осмысление этого процесса и его единиц. Именно в этом плане и может быть использован термин «лексема». Согласно В. В. Виноградову, «лексема» – это «слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений» [2, с. 17]. В отличие от этого определения, на наш взгляд,

лексема – это языковой знак, планом содержания которого является *только один какой-то лексико-семантический вариант*, а планом выражения – совокупность форм, реализующих его в речи. Но в ней лексема реализует лишь одну форму, лексически, грамматически и стилистически гармонирующую с другими лексемами в структуре высказывания. Выбор такой формы определяется речемыслительной деятельностью человека, коммуникативными и прагматическими целями говорящего [11].

С учетом этой исследовательской позиции понятие формы слова (лексемы) получает *расширенное понимание*. Это, естественно, обуславливает вопрос о правомерности такого расширения в отношении данного понятия и, соответственно, *вопрос о границах лексем*, т. е. необходим ответ о том, когда мы имеем дело с одной и той же моделью номинации, а когда – с разными моделями номинации. Другими словами, *что определяет переход от одной лексемы к другой?*

Как и слово, термин «лексема» также неоднозначно представлен в лингвистической литературе. Однако он позволяет достаточно однозначно противопоставить два процессуальных явления, связанных с деривационным процессом – формообразование и лексеμοобразование.

Лексеμοобразование – это всегда *процесс образования нового понятия, нового ЛСВ, нового ядерного лексического значения*. Последнее понятие требует, конечно, уточнения, поскольку предполагает выделение в структуре лексического значения ядерного и неядерного компонентов. *Ядерное лексическое значение слова* как языковой единицы – это неосложненное коннотативными, модификационно-словообразовательными и стилистическими компонентами семиотическое концептуальное содержание, оформленное только грамматикой как концептуальной структурой. *Ядерный лексический компонент* является *обязательным* для общей семантической структуры слова, включающей, наряду с ним, обязательный грамматический компонент. Другими словами, *семантическую структуру слова* в этом случае можно определить как *минимальную* и противопоставить ей *расширенную* семантическую структуру, включающую факультативные семантические компоненты неграмматического характера. Здесь важно учитывать *модель мотивации*. Если производное образование включает в свой состав, помимо ядерного лексического значения, *факультативный* семантический компонент коннотативного, стилистического и модификационного словообразовательного характера, выраженный морфемным способом, то данное производное образование квалифицируется как *неграмматическая форма* лексемы [13].

В этой модели мотивации важнейшим компонентом является *тождество лексического значения* у различных деривационных образований. Поэтому важно определиться в понимании этого тождества. На наш взгляд, это тождество должно иметь семиотическую природу обязательного лексического компонента в семантической структуре слова. А все различия грамматического, коннотативного, модификационного, стилистического характера рассматриваются как связанные с концептуальной структурой этого кон-

цептуального содержания и оказываются включенными в состав форм этого слова (лексемы).

В качестве структурных семантических компонентов, обслуживающих ядерное лексическое значение, можно выделить обязательные грамматические компоненты и факультативные неграмматические компоненты.

На наш взгляд, мы имеем следующие *виды (типы) деривационных процессов*, направленные на образование различных форм реализации лексического значения в коммуникативном процессе. В рамках общего процесса формообразования выделяются грамматическое и неграмматическое формообразование, которое противопоставлено лексеμοобразованию. В системе грамматического формообразования выделяются морфологическое и синтаксическое формообразование, представленное, соответственно, словоизменением и трансформацией. В системе неграмматического формообразования выделяются модификационное словообразовательное формообразование (способы глагольного действия, способы представления субстанции), коннотативное формообразование и стилистическое формообразование [10].

Человек делает достоянием своей памяти и сознания не только конкретные выражения (высказывания), но и результаты абстрагирующей функции языка – формы. Если человек знает, что это форма 1-го лица единственного числа настоящего времени, то эта форма является значимой для него, поскольку она объективирует ряд типичных конкретных высказываний, описывающих ситуацию действия говорящего в данный момент речи как реальный факт. Он овладевает знанием лексического значения слова, но не затрачивает при этом усилий на реализацию формы данного слова в определенном контексте. Поэтому и важно определиться в разграничении понятий «слово» и «форма слова», поскольку их *функции принципиально различны*: «слово» как языковой знак объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» как речевая единица – отношения между различными сторонами этого мира. Это не означает, что формы слов не объективируют действительности. Они объективируют, но их объективация вторичная, результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым (семиотическим, лексическим) способом. Поэтому важно, после выявления первичной, семиотической, объективации, установить механизм и формы реализации вторичной объективации, той категоризации, которая функциональна в узком смысле слова, поскольку сориентирована на высказывание, на функционирование языкового знака (слова) в высказывании, в тексте.

С точки зрения концептуальной структуры эти формы отражают динамические процессы в человеческом сознании, объективируя его в языковых формах. В рамках модификационного словообразования это проявляется, например, в способности того или иного способа действия указывать на частный характер протекания действия по отношению к общему, исходному представлению протекания действия, которое характеризует действие как таковое, вне какого-либо конкретного проявления временных,

количественных и специально результативных отношений.

То же самое представляют собой мотивационные отношения и в способах представления предмета (субстанции) у существительного, когда субстанция (предмет) оказывается вовлеченной в восприятие ее со стороны каких-то частных количественных характеристик, которые сохраняют с существительным, называющим предмет как таковой, денотативно-понятийную общность, но вносят при этом «дополнительные смысловые оттенки» (ср.: *лист – листва, листок, листик; изюм – изюмина, изюминка*).

Структура мотивационных отношений, представленных коннотативными формами, хотя и отражает их производность в отношениях с нейтральной (в смысле коннотации) производящей формой (например, *брат – братик, братишка*), но, как и в случае со способами глагольного действия и со способами представления предмета, мы имеем дело с модификационным словообразованием, только формантная часть производной структуры слова выражает концептуализацию сферы «чувство – оценка».

В функциональном отношении коннотация, представленная экспрессивным, эмотивным и оценочным значениями, «обслуживает» лексическое значение с целью передачи информации через «чувство – отношение» говорящего к обозначаемой действительности. Противопоставление лексического и коннотативного значений обусловлено их различной природой в структуре знания. Как отмечает М. В. Никитин, связывая лексическое (денотативно-сигнификативное) содержание с понятием когнитивного значения, а коннотативную информацию с прагматикой, мы наблюдаем, что «объективированное, внепрагматическое знание мира, его сущностей, их признаков, связей и зависимостей упорядочено в когнитивных структурах знания» [6, с. 30], а прагматический компонент «относится к информации о субъективном отношении, оценке, переживании означаемого факта, субъективной установке индивида на этот факт» [6, с. 31].

При этом важным представляется рассмотрение вопроса о характере их взаимодействия и взаимосвязи. По мнению М. В. Никитина, примеры типа *старик, старикашка, старец* свидетельствуют о том, что «субъективные интересы питаются объективным знанием». [6, с. 31]. Отношения между когнитивным и прагматическим значением, таким образом, сводятся к тому, что «прагматическое значение языковых единиц там, где оно дополнительно к их когнитивному значению» [6, с. 54].

Что же касается стилистических форм типа «*жить – прожить*», «*прочитать – прочесть*», «*лиса – лисица*», «*тетрадь – тетрадка*», то производность их структур, на наш взгляд, хотя и отмечена морфемными показателями, но она в содержательном плане в большей степени демонстрирует отношения вариантности или сосуществования, о чем свидетельствует словарное толкование стилистических форм. Например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова для этого используется оператор «*то же, что*» (ср.: *тетрадка* (разг.) – то же, что *тетрадь*; а в «*лиса – лисица*» этот оператор употреблен не в

отношении толкования *лисица*, а в словарной статье *лиса: лиса – то же, что лисица*). В этом случае мы имеем концептуализацию сфер общения, которые оказываются социально значимыми в коммуникации. Языковая их «закрепленность» является важным моментом в понимании взаимосвязи стиля и сферы общения, так как язык обслуживает человека (общество) в самых различных областях его жизни и деятельности. Естественно, «откликнуться» и отразить все формы и случаи человеческого общения язык не может. Но наиболее коммуникативно значимые сферы общения оказываются маркированными теми или иными языковыми средствами. Компонент «стилистическое значение» включается в общую семантическую структуру слова на правах равноправного с другими компонентами с точки зрения отражательной сущности языка, и на правах факультативного по отношению к ядерному лексическому компоненту.

В итоге появляется возможность представить наиболее экономный способ описания лексической системы русского языка на уровне выделения частей речи, поскольку *грамматические и неграмматические формы слова-лексемы исключаются из числа собственно языковых знаков, из числа лексических единиц, подлежащих классификации*. Но при этом они включаются в состав парадигмы лексем и тем самым фиксируют ее концептуальное пространство с точки зрения уникальности плана содержания лексем. Это, в свою очередь, должно найти отражение в лексикографической практике. Выделенные виды (типы) форм не должны иметь самостоятельной словарной статьи. Они включаются в словарную статью той лексемы, лексическое значение которой «обслуживают» в качестве форм.

Таким образом, лингвистическая значимость понятия *формы слова-лексем* определяется тем, что форма слова не участвует в лексической классификации, отражающей категоризацию действительности. Предметом лексической категоризации и представлением ее результатов в соответствующих классификациях является лексема, по отношению к которой форма слова выступает как план выражения, хотя при этом форма слова также имеет свое содержание. Такая ситуация в языке оказалась возможной в силу того, что понятия «содержание» и «форма» имеют относительный характер: то, что на одном уровне является содержанием, на другом, более высоком уровне вполне может оказаться формой (С. Д. Кацнельсон, А. А. Потебня и др.).

В результате языковые формы в составе лексем обладают следующими взаимосвязанными функциями: 1) формы отражают определенное видение действительности человеком, тем самым концептуализируя и категоризируя ее в языке (например, формы грамматических категорий). Поэтому у формы слова (лексем) наблюдается своего рода двойная референция: «...отсылать и к действительности, и к языку» [5, с. 407]; 2) формы оформляют, будучи содержательными сущностями, лексическую объективацию концепта, репрезентированного лексемой (например, парадигматическое оформление словарного слова); 3) формы выражают отношения слов в структуре высказывания или текста, позволяя экономно и без

ущерба коммуникации передать необходимую концептуальную информацию об окружающем мире (например, структурное синтагматическое согласование словоформ); 4) формы выполняют текстообразующие функции (например, синтаксическая деривация); 5) формы отражают интерпретирующую функцию языка в аспекте антропоцентрического подхода к языку (например, коннотативные и стилистические формы).

Что дает расширенное понимание формы слова для теории и практики описания русского языка?

1. Более последовательно и системно реализовать критерий лексического тождества лексем (слов-лексем), который является определяющим в установлении границ лексемы. Лексема, отражая отдельное звено лексической системы, имеет набор различных форм, которые структурируют концептуальное содержание (ядерное лексическое значение) лексемы и тем самым фиксируют ее в языковой памяти и лин-

гвистическом пространстве, отличая данную лексему от других лексем;

2. Увидеть большее многообразие функций форм лексем (слова-лексем);

3. Более последовательно и системно осмыслить методологический принцип об относительном характере формы и содержания в языке;

4. Представить наиболее экономный способ описания лексической системы русского языка на уровне выделения частей речи, поскольку не только грамматические, но и неграмматические формы лексемы исключаются из числа лексических единиц, подлежащих классификации;

5. Позволяет в лексикографической практике решить в какой-то степени проблему сокращения количества словарных статей при сохранении лексической информации в том объеме, в котором она была бы, если бы содержалась в этих самостоятельных статьях.

Литература

1. Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977. 287 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.
4. Котцова Е. Е. Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте. Архангельск: Поморский университет, 2002. 203 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. 760 с.
7. Теркулов В. И. Номинатема: опыт определения и описания. Горловка: ГППИИЯ, 2010. 228 с.
8. Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке. М., 1925.
9. Цыганкова Г. П. Состав слова и словообразования в русском языке. Киев: Радянська школа, 1978. 152 с.
10. Шарандин А. Л. Русский глагол: комплексное описание. Тамбов: Изд-во Першина, 2009. 586 с.
11. Шарандин А. Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. 2015. № 3(25). С. 240 – 250.
12. Шарандин А. Л. Сознание, язык и коммуникация как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 144 – 155.
13. Шарандин А. Л., Денисов Ю. Н. К вопросу о понятии формы слова за пределами грамматики // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир: ВлГУ, 2011. С. 526 – 530.

Информация об авторе:

Шарандин Анатолий Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, sharandin@list.ru.
Статья поступила в редколлегию 01.02.2016 г., Принята к печати 20.06.2016 г.

WORD AND WORD FORM: DERIVATIONAL TYPES, LINGUISTIC SIGNIFICANCE AND FUNCTIONS

Sharandin Anatolii L.^{1, @, *}

¹ Tambov State University named after G. R. Derzhavin

@ sharandin@list.ru

* The work was supported by the RFH Grant No. 15-04-00448 «Language as interpreting factor of cognition»

The problem of correlation of two notions “word” and “word form” is the central problem in Russian Grammar (Morphology) and is connected with some priority areas of the modern linguistics in the framework of the general anthropocentric approach to the language description. Derivational processes are connected with the notion of motivation and viewed in the paper. This motivation defines the eduction of different derivational types, which are united by a cognitive-communicative approach. The linguistic significance of the word form is determined as a conceptual structure, “servicing” conceptual content of the word-lexeme. The fundamental functions of the word forms and their significance for description of the language as a multilevel structure are identified. The represented extended understanding of word form allows to solve some problems of methodological (the problem of relativity between content and form in the language), theoretical (the problem of identification of the word and different types of the word form) and practical nature (inclusion the grammar material into the lexicographic practice).

Keywords: word, word form, derivation, motivation, interpretation, functions of the word and the word form.

For citation: A. L. Sharandin. Word and word form: derivational types, linguistic significance and functions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2016): 207 – 213.

References

1. Bulygina T. V. *Problemy teorii morfologicheskikh modelei* [Problems of the theory of morphological models]. Moscow: Nauka, 1977, 287.
2. Vinogradov V. V. *Russkii iazyk* [Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1972, 614.
3. Golev N. D. *Dinamicheskii aspekt leksicheskoi motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1989, 252.
4. Kottsova E. E. *Leksicheskaia semantika v sistemno-tematicheskome aspekte* [Lexical semantics in the system theme]. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2002, 203.
5. Kubriakova E. S. *Iazyk i znanie* [Language and knowledge]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 560.
6. Nikitin M. V. *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [The Course of linguistic semantics]. Saint-Petersburg: Nauchnyi tsentr problem dialoga, 1997, 760.
7. Terkulov V. I. *Nominatema: opyt opredeleniia i opisaniia* [Nominatum: experience definitions and descriptions]. Gorlovka: GGPIIIa, 2010, 228.
8. Ushakov D. N. *Kratkoe vvedenie v nauku o iazyke* [A brief introduction to the science of language]. Moscow, 1925.
9. Tsygankova G. P. *Sostav slova i slovoobrazovaniia v russkom iazyke* [The Structure of words and word formation in Russian language]. Kiev: Radians'ka shkola, 1978, 152.
10. Sharandin A. L. *Russkii glagol: kompleksnoe opisaniie* [Russian verb: a comprehensive description]. Tambov: Izd-vo Pershina, 2009, 586.
11. Sharandin A. L. Soznanie, semiotika, iazyk, kommunikatsiia i pragmatika kak edinoe kontseptual'noe prostranstvo [Consciousness, semiotics, language, communication and pragmatics as a single conceptual space]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, no. 3(25) (2015): 240 – 250.
12. Sharandin A. L. Soznanie, iazyk i kommunikatsiia kak dialekticheskoe edinstvo [Consciousness, language and communication as a dialectical unity of]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka – Cognitive studies of language*, no. 12 (2012): 144 – 155.
13. Sharandin A. L., Denisov Iu. N. K voprosu o poniatii formy slova za predelami grammatiki [To the question about the concept to form words beyond grammar]. *Iazykovye kategorii i edinity: sintagmicheskii aspekt* [Language category and units: syntagmatic aspect]. Vladimir: VIGU, 2011, 526 – 530.

Received 01.02.2016, accepted 20.06.2016.